

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А
города Москвы
С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 100

29 апреля 2026 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Ф. от 31 января 2026 года (вх. № ...) в отношении адвоката У. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 08 апреля 2026 года вынесла заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, решения Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 27 сентября 2013 года «О "двойной защите"» и разъяснений № 11 Совета Адвокатской палаты города Москвы от 18 января 2016 года «Об участии в уголовном судопроизводстве защитников по назначению», исполнении адвокатом У. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Ф., выразившемся в неправомерном выполнении функций «защитника-дублера» 29 января 2026 года (участие в предъявлении Ф. обвинения и его допросе в качестве обвиняемого) при наличии у обвиняемого Ф. защитника по соглашению – адвоката Г.;

2) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката У. по жалобе Ф. от 31 января 2026 года (вх. № ...), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката У. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Представитель содержащегося под стражей заявителя Ф. – адвокат Г., извещенная надлежащим образом, в заседание Совета не явилась, в

письменном заявлении просила рассмотреть дисциплинарное производство в ее отсутствие, подтвердила своевременное получение заключения Квалификационной комиссии, сообщила о своем и своего доверителя согласия с его выводами, оставила вопрос о мере дисциплинарной ответственности на усмотрение Совета (вх. № ..., вх. № ...).

Адвокат У., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился, просил рассмотреть жалобу в его отсутствие, своего отношения к заключению Квалификационной комиссии не выразил (вх. № ...).

Учитывая изложенные обстоятельства и в соответствии с п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дисциплинарное дело в отсутствие неявившихся участников.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, соглашается с заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Заявителем выдвинуты дисциплинарные обвинения в том, что адвокат У.:

- участвовал в следственных действиях по личной просьбе руководителя следственной группы;
- принял участие в предъявлении обвинения и допросе в качестве обвиняемого Ф., выполнив недопустимые функции «защитника-дублера» при наличии у заявителя защитника по соглашению – адвоката Г.;
- вступил в сговор со следствием и действовал в интересах стороны обвинения;
- совершил действия, приводящие к подрыву доверия к адвокатуре.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что в производстве ГСУ СК РФ находилось уголовное дело № ... по обвинению Ф., А., М. и иных лиц в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 159, ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159, ч. 4 ст. 291.1, ч. 5 ст. 291, п. «а», «б» ч. 2 ст. 196 УК РФ, производство по которому осуществлялось следственной группой в составе 12 следователей, включая следователей Т., М. и под руководством следователя К.

27 января 2026 года следователь К. вынес постановление о привлечении Ф. в качестве обвиняемого по указанному уголовному делу. По размещенной 28 января 2026 года в 18.02 час. заявке АИС АПМ № ... защитником Ф. был назначен адвокат У., который вступил в уголовное дело 29 января 2026 года на основании Ордера от 29 января 2026 года № ... В тот же день, 28 января 2026 года, следователь М. посредством мессенджера Telegram уведомил адвоката Г. о дне и времени предъявления обвинения Ф. – в 09.00 час. 29 января 2026 года. В ответ на это уведомление адвокат Г. сообщила следователю о своей профессиональной занятости в указанный день в судебном заседании Московского гарнизонного военного суда,

подтвердив эту информацию соответствующей справкой суда и «заявлением об обеспечении прав обвиняемого».

29 января 2026 года следователь К. вынес постановление о назначении адвоката У. защитником Ф., в котором было указано, что от адвоката Г., уведомленной о дате предъявления обвинения – 29 января 2026 года, сведений о невозможности участия в следственных действиях по причине профессиональной занятости не поступало. В тот же день с участием адвоката У. в ФКУ СИЗО-4 ГУФСИН России по городу Москве Ф. предъявлено обвинение, и он допрошен в качестве обвиняемого. В протоколе допроса указано, что он от дачи показаний отказался в связи с отсутствием защитника по соглашению – адвоката Г., а также о том, что поступили заявления обвиняемого Ф. и адвоката У. – «отказался от защитника».

30 января 2026 года Ф. и адвокат Г. были уведомлены об окончании следственных действий по уголовному делу.

Оценивая дисциплинарное обвинение в том, что адвокат У. принял участие в предъявлении обвинения Ф. и его допросе, выполнив тем самым недопустимую функцию «защитника-дублера» при наличии у заявителя защитника по соглашению – адвоката Г., Совет считает необходимым вновь отметить следующее. Назначенный защитник обязан уважать право доверителя на свободный выбор защитника, приглашенным им или с его согласия третьими лицами, в связи с чем обязан выяснить, надлежащим ли образом уведомлен приглашенный защитник о дне, времени и месте производства процессуального действия. Для этого он должен обратиться к лицам, осуществляющим производство по уголовному делу, а также к доверителю и в зависимости от характера полученной информации принять решение о возможности участия в процессуальном действии или о заявлении ходатайства о его отложении для обеспечения явки защитника по соглашению.

Согласно п. 5 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (Принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 года), адвокат должен согласовать с подзащитным позицию по делу. В этих целях адвокат принимает меры к выяснению существа обвинения или подозрения, в том числе посредством ознакомления с процессуальными документами, составленными с участием подзащитного, и иными документами, которые предъявлялись либо должны были ему предъявляться.

Участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если подозреваемый, обвиняемый не отказался от защитника в порядке, установленном ст. 52 УПК РФ (п. 1 ч. 1 ст. 51 УПК РФ). Отказ от защитника не обязателен для дознавателя, следователя и суда (ч. 2 ст. 52 УПК РФ). В соответствии с ч. 2 ст. 50 УПК РФ «по просьбе подозреваемого, обвиняемого участие защитника обеспечивается дознавателем, следователем или судом».

Согласно ч. 2 ст. 248 УПК РФ при неявке защитника и невозможности его замены судебное разбирательство откладывается. Замена защитника

производится в соответствии с ч. 3 ст. 50 УПК РФ, которой установлено, что в случае неявки приглашенного защитника в течение 5 суток со дня заявления ходатайства о приглашении защитника дознаватель, следователь или суд вправе предложить подозреваемому, обвиняемому пригласить другого защитника, а в случае его отказа принять меры по назначению защитника в порядке, определенном советом Федеральной палаты адвокатов.

В п. 4 Рекомендаций Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации «Об обеспечении непрерывности защиты по назначению» (утверждены Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 28 ноября 2019 года) указано: «Адвокат, принявший поручение по осуществлению защиты по назначению, обязан явиться к инициатору заявки, представить ордер и предъявить удостоверение, после чего выяснить, имеется ли у обвиняемого (подозреваемого, подсудимого) защитник по назначению или соглашению. Если у обвиняемого имеется защитник по соглашению, то адвокат обязан удостовериться в его надлежащем уведомлении в установленный законом срок и потребовать копию процессуального решения, в котором надлежащим образом мотивировано назначение адвоката в порядке статей 50, 51 УПК РФ при наличии защитника по соглашению».

В п. 1 Решения Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 27 сентября 2013 года «О "двойной защите"» (действует в редакции, утвержденной Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 28 ноября 2019 года) указано на недопустимость участия в уголовном судопроизводстве адвокатов, назначенных следственными органами и судами защитниками, в качестве дублеров, то есть, при наличии в деле адвокатов, осуществляющих защиту тех же лиц на основании заключенных ими соглашений. Этим же Решением (абз. 1 п. 2.1) Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации рекомендовал «Предусмотреть в решениях советов (адвокатских палат) положение о том, что адвокат не вправе по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда принимать участие в защите лиц против их воли, если интересы этих лиц в уголовном судопроизводстве осуществляют адвокаты на основании заключенных соглашений. Участие в деле наряду с защитником по соглашению защитника по назначению допустимо лишь в том случае, если отклонение отказа от него следователь или суд мотивируют именно злоупотреблением со стороны обвиняемого либо приглашенного защитника своими полномочиями и выносят о таком злоупотреблении обоснованное постановление (определение)...».

В п. 2, 3 Разъяснений № 11 Совета Адвокатской палаты города Москвы от 18 января 2016 года по вопросам профессиональной этики адвоката «Об участии в уголовном судопроизводстве защитников по назначению» указано на недопустимость осуществления адвокатами защиты по назначению наряду с адвокатами, осуществляющими защиту тех же лиц на основании соглашения, за исключением случая, указанного в п. 3 настоящих Разъяснений. Во всех прочих случаях защитник по назначению не вправе

принимать участие (в том числе, продолжать ранее начатое им участие) в дознании, предварительном следствии либо в рассмотрении дела судом при наличии у подозреваемого, обвиняемого защитника по соглашению, от которого он не отказался и который не отведен от участия в деле в порядке и на основаниях, предусмотренных законом. Адвокат, назначенный защитником и установивший факт наличия у того же лица защитника по соглашению, обязан незамедлительно предпринять все предусмотренные законом и вышеуказанными разъяснениями Совета Адвокатской палаты города Москвы действия, направленные на прекращение своего участия в деле, включая (но не ограничиваясь этим) поддержку заявления подозреваемого, обвиняемого об отказе от него, собственное аналогичное заявление и проявление настойчивости с целью надлежащего рассмотрения и разрешения этих заявлений дознавателем, следователем или судом, а при их отказе или уклонении от принятия такого решения адвокат должен покинуть место процессуальных действий, сделав соответствующие заявления. Совет Адвокатской палаты города Москвы подчеркивает, что такие действия защитника по назначению не могут расцениваться как отказ от защиты и являются не только правомерными, но и обязательными. Это требование распространяется и на случаи, когда в дело, в котором уже участвует защитник по назначению, впоследствии вступает защитник того же лица по соглашению.

Защитнику по назначению, отказ от которого, заявленный в установленном законом порядке, не принят дознавателем, следователем или судом с вынесением соответствующего процессуального решения, необходимо исходить из того, что само по себе наличие у указанных субъектов уголовного судопроизводства предусмотренного ч. 2 ст. 52 УПК РФ права не принять отказ от защитника не означает, что они могут пользоваться этим правом произвольно либо в целях, не соответствующих конституционным требованиям и назначению уголовного судопроизводства. В соответствии с требованиями ст. 11, 16, 243 УПК РФ, именно на орган или должностное лицо, осуществляющие от имени государства производство по уголовному делу, возложена обязанность обеспечить всем участникам судопроизводства реализацию их прав и законных интересов.

Основываясь на этих требованиях закона и правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированных в Постановлении от 17 июля 2019 года № 28-П, и Пленума Верховного Суда Российской Федерации – в Постановлении от 30 июня 2015 года № 29, Совет полагает, что дознаватель, следователь или суд могут не принять отказ от защитника по назначению лишь в случае, когда процессуальное поведение защитника по соглашению либо поведение подозреваемого, обвиняемого при реализации права на свободный выбор защитника, будучи явно недобросовестным, ущемляет конституционные права других участников судопроизводства, представляя собой злоупотребление правом на защиту, и такое нарушение или злоупотребление дезорганизует ход дознания,

предварительного следствия либо судебного заседания, то есть, направлено на срыв судебного процесса либо досудебного производства по делу.

В результате дисциплинарного разбирательства достоверно установлено, что 29 января 2026 года адвокат У. принял участие в предъявлении обвинения и допросе Ф. в качестве обвиняемого при наличии у него защитника по соглашению – адвоката Г., уведомленной о дате предъявления обвинения лишь 28 января 2026 года, то есть накануне проведения процессуальных действий. Кроме того, адвокат У. не ознакомился с материалами уголовного дела в объеме, предусмотренном п. 6 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, не выяснил, уведомлена ли адвокат Г. о дате производства процессуальных действий. Несмотря на то, что Ф. незамедлительно, до начала процессуальных действий, отказался от помощи адвоката У., он не подал собственного заявления о невозможности осуществления защиты Ф. и не предпринял всех дальнейших действий, указанных в приведенных Разъяснениях: не проявил настойчивости с целью надлежащего рассмотрения и разрешения заявления дознавателем, следователем, а в случае отказа или уклонения последнего от принятия такого решения ему следовало покинуть место процессуальных действий, сделав соответствующие заявления. Перечисленные действия не были предприняты адвокатом У. и после письменной фиксации отказа от него в постановлении о привлечении Ф. в качестве обвиняемого.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает презумпцию добросовестности адвоката У. опровергнутой в данной части, а его умышленную вину в совершении дисциплинарного нарушения – установленной.

Совет также отмечает, что обязанность адвоката, назначенного защитником, обеспечить реализацию права доверителя на свободный выбор защитника не предполагает «пассивного присутствия и фиксации отказа», как об этом заявил адвокат У. в качестве своей защитительной позиции в ходе дисциплинарного производства. Вопреки этому ошибочному мнению, исполнение этой обязанности предполагает активную и настойчивую помощь адвоката, назначенного защитником, доверителю в реализации этого права.

Помимо этого, адвокат У. пояснил, что собирался разово «подменить» защитника по соглашению, с которым, как он полагал, этот вопрос был согласован, и считает это нормальной адвокатской практикой. Таким образом, адвокат У., вопреки нормативно установленному принципу непрерывности защиты, считает допустимой ее фрагментарное осуществление. Совет считает необходимым указать на это адвокату У., однако не имеет возможности дать правовую оценку его профессиональному поведению в этой части, поскольку соответствующих дисциплинарных обвинений в отношении него не выдвигалось.

Дисциплинарное обвинение в том, что адвокат У. прибыл для производства процессуальных действий по личной просьбе руководителя следственной группы, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией,

признает необоснованным. В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что он вступил в дело на основании принятой им заявки АИС АПМ, при этом нарушений при формировании и распределении указанной заявки не выявлено. Факт предшествующего знакомства адвоката У. с руководителем или членами следственной группы, который он последовательно опровергал, заявителем Ф. не доказан. Фраза адвоката У. об общении со следователем К. по телефону по вопросу о наличии согласия Ф. и защитника адвоката Г. на его участие в процессуальных действиях рассматриваемое дисциплинарное обвинение также не подтверждает, тем более что, как выяснилось впоследствии, следователь К. сообщил адвокату У. информацию, не соответствующую действительности.

К такому же выводу Совет приходит и в отношении дисциплинарного обвинения в том, что адвокат У. вступил в сговор со следствием и действовал в интересах стороны обвинения. Описанные выше действия (бездействие) адвоката У. не свидетельствуют о наличии какого-либо сговора между ним и представителями стороны обвинения, сам адвокат У. последовательно отрицал его наличие, а заявителем доказательств такого сговора не представлено.

Совет также соглашается мнением Квалификационной комиссии об отсутствии оснований для оценки действий адвоката У. как направленных к подрыву доверия к адвокатуре. Несмотря на допущенное им нарушение, оценка которого дана выше, он самостоятельно внес в постановление о привлечении Ф. в качестве обвиняемого запись «от защиты отказался», а в протоколе допроса заявителя в качестве обвиняемого указано, что как от заявителя, так и адвоката У. поступили заявления – «отказался от защитника». Эти обстоятельства подтверждают, что адвокатом У. были предприняты действия, направленные на фиксацию позиции заявителя в процессуальных документах. Иных доводов в подтверждение дисциплинарного обвинения в совершении адвокатом У. действий, направленных к подрыву доверия к адвокатуре, заявителем не приведено.

Таким образом, Совет признает презумпцию добросовестности адвоката У. в части других дисциплинарных обвинений неопровергнутой, а дисциплинарное производство в данной части – подлежащим прекращению.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката У. за совершенное дисциплинарное нарушение, Совет принимает во внимание его грубый характер, свидетельствующий об умышленном игнорировании адвокатом обязательных правил осуществления защиты обвиняемого по назначению следователя, сопряженный с нарушением прав доверителя и наступлением для него негативных последствий, поскольку он не смог реализовать свое право на дачу показаний немедленно после предъявления обвинения, а совершение указанных процессуальных действий позволило следователю на следующий день уведомить Ф. и адвоката Г. об окончании следственных действий. Подобное профессиональное поведение адвоката Совет признает недопустимым.

Вместе с тем, Совет учитывает, что адвокат У., имеющий значительный профессиональный стаж, ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался.

При таких обстоятельствах Совет предоставляет адвокату У. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и полагает необходимым применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения, как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет считает необходимым указать адвокату У. на необходимость неукоснительного исполнения следующих законодательно установленных обязанностей адвоката: а) исполнять решения органов адвокатского самоуправления, принятых в пределах их компетенции (пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката); б) постоянно совершенствовать свои знания самостоятельно и повышать свой профессиональный уровень в порядке, установленном Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации и Адвокатской палатой города Москвы (пп. 3 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1 и 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Применить к адвокату У. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов) меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за ненадлежащее, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, Решения Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 27 сентября 2013 г. «О "двойной защите"» и Разъяснений № 11 Совета Адвокатской палаты города Москвы от 18 января 2016 года «Об участии в уголовном судопроизводстве защитников по назначению», исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Ф., выразившееся в неправомерном выполнении функций защитника - «дублера» 29 января 2026 года (участие в предъявлении Ф. обвинения и его допросе в качестве обвиняемого) при наличии у обвиняемого Ф. защитника по соглашению – адвоката Г.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката У. по жалобе Ф от 31 января 2026 года

(вх. № ...), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката У. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

С.Б. Зубков